

ДАРВИН И УОЛЛЕС: ДРАМА СОВАВТОРСТВА И НЕСОГЛАСИЯ

М.Д. Голубовский

Университет Беркли, Калифорния, 94720, США, e-mail: mdgolub@gmail.com

Если бы удалось искусственно создать живой организм, это было бы торжество материализма, но в равной мере – идеализма, так как доказывало бы возникновение жизни из мертвой природы путем творческого акта

В.Я. Александров

В статье прослежена драматическая ситуация, когда Дарвин и Уоллес оказались соавторами и соперниками концепции возникновения видов путем естественного отбора. Несмотря на одновременную публикацию их статей, Уоллес всегда признавал приоритет Дарвина. Вместе с тем их взгляды различались в двух аспектах: 1) какова область действия естественного отбора: является ли он необходимым и достаточным для объяснения всех загадок эволюции (как считал Уоллес) или же сфера его ограничена и надо постулировать действие других факторов (как полагал Дарвин); 2) эволюционное происхождение человека и роль отбора в этом процессе. Уоллес решительно отрицал роль естественного отбора в происхождении интеллекта и психики человека и таких способностей, как математические, музыкальные. Он допускал, что эволюция психики идет по своим законам. Естественный отбор не может создавать органы и структуры, намного опережающие их непосредственное использование, как это очевидно для высших психических и интеллектуальных способностей человека. С этих же позиций Уоллес критиковал взгляды социальных дарвинистов.

Ключевые слова: Дарвин, Уоллес, Лайель, эволюция, история науки.

Десятилетия готовил Дарвин материал для «Происхождения видов ...», заносил наблюдения и заметки в обширные записные книжки, начатые во время пятилетнего плавания на «Бигле». Эти книжки стали доступны в полном объеме лишь к концу 1970 гг. Дарвин вел обширную переписку со многими выдающимися и рядовыми натуралистами того времени. Досконально исследовано, что Дарвин пришел к выводу о трансформации видов под действием естественного отбора задолго до «Происхождения видов ...» (Воронцов, 1999; Галл, 2007). В 1842 г. он сделал краткий очерк своей концепции, затем переписал набело в 1844 г., посвятив в его содержание только двух своих друзей и научных коллег. Первым был его ментор, великий геолог Ч. Лайель (Lyell, 1797–1875). Незадолго до отплытия «Бигля» вышел первый том фундаментального труда Лайеля «Принципы геологии».

По совету своего учителя и научного опекуна кембриджского профессора минералогии и ботаники Дж. Генслоу (John Henslow, 1796–1861), Дарвин взял том Лайеля с собой в путешествие, изучил его и проникся геологическим видением прошлого и настоящего разных областей Земли, которые он посетил во время кругосветного плавания. Другим confidentом и, пожалуй, самым близким другом Дарвина был его младший последователь потомственный ботаник Дж. Гукер (Hooker, 1817–1911). Он отправился в экзотическое путешествие в Индию и Тибет, получив наставления Дарвина и взяв с собой как образец книгу Дарвина о плавании на «Бигле». Впоследствии Дж. Гукер стал директором знаменитого Королевского Ботанического сада в Кью в окрестностях Лондона, первым основателем и директором этого сада был его отец. Гукер стал наиболее частым посетителем поместья Дарвина, щедро консультируя его по всем во-

просам классификации растений и ботанической географии. Именно ему Дарвин доверил разбор и систематизацию своих гербариев, собранных во время плавания на «Бигле».

Дж. Хаксли в историко-научном эссе «Возникновение дарвинизма (Huxley, 1992) проследживает шаг за шагом, как Дарвин готовился к своему главному труду. Очерк концепции Дарвина 1844 г. по существу представлял собой книгу объемом в 230 страниц и включил в принципе все разделы будущего «Происхождения видов ...».

Однако Дарвин все еще медлил в течение 14 последующих лет.

Почему Дарвин медлил

Так совпало, что как раз в 1844 г. в Англии анонимно вышла книга «Следы естественной истории творения», которая мгновенно стала бестселлером и выдержала к 1860 г. 11 изданий. Автор аргументировал, что виды возникли не внезапно, а в ходе их размножения, постепенно от низших форм к высшим вплоть до человека, согласно естественным законам, без непосредственного вмешательства Творца. От Творца лишь исходили принципы и исходный импульс творения. По этим же естественным законам происходило становление звездных и планетных систем. Автор не ставил себе задачей выявить эти законы и ответить на вопрос, почему и как происходит эволюция.

Имя автора оставалось тайной и было раскрыто только в 1884 г. в посмертном 12 издании. Им оказался известный шотландский просветитель, издатель энциклопедий, биографий и справочников Р. Чамберс (Chambers, 1802–1871). Он принадлежал к плеяде удивительных шотландцев, разносторонних талантов-самоучек, восходящих к высотам культуры благодаря страстной любви к знаниям, трудолюбию и упорству. Сенсационный успех книги сочетался с ее резкой критикой и со стороны теологов, и со стороны биологов, обвинениями в ереси, материализме, в недостатке биологических знаний и доказательств. Предвидя такую опасность, Чамберс по всем канонам детектива принял меры к сокрытию своего авторства. Копии рукописей и правки посылались издателю через нескольких посредников без указания города. О

тайне Чамберса знали только два человека – его жена Анна и брат Уильям. «Викторианская сенсация» – так названо вышедшее несколько лет назад историко-научное исследование о книге Чамберса, с характерным подзаголовком «Необычная публикация, восприятие и секретное авторство свидетельств естественной истории творения» (Huxley, 1992).

Поначалу отношение Дарвина к этой книге было снисходительно-критическим (обычное отношение профессионала к любительским или научно-популярным изданиям). Однако затем Дарвин признал, что «Мистер Свидетельства» (или «Mister Vestiges» – как называли в обществе анонимного автора) во многом расчистил путь для его концепции естественного отбора. Другой же создатель теории естественного отбора – А. Уоллес – сразу же воспринял книгу Чамберса с энтузиазмом. Она побудила его к поискам доказательств изменчивости видов во времени и пространстве непосредственно в природе. Впоследствии благодаря сходству их мировоззрений Уоллес сблизился с Чамберсом и написал статью о спиритуализме в издаваемой Чамберсом энциклопедии.

Дарвин хорошо представлял взрывной характер своей теории и потому намеревался со свойственным ему тщанием подготовить ее биологическое обоснование в нескольких томах. Как парадоксально, в духе дзенбуддизма, заметил Н.В. Тимофеев-Ресовский, Дарвин был «гениальный, но осторожный и умный человек». Проведенный Дж. Хаксли историко-научный анализ подтверждает этот парадокс. Если бы Дарвин, – заключает Хаксли, – бросился публиковать в 1838 г. свои выводы в краткой и обнаженной форме, это было бы мертворождением. Идея эволюции должна была быть усилена твердым фактическим основанием, а идею естественного отбора необходимо было тщательно проработать во всех вариантах (Secord, 2003). Хаксли уверен, что даже публикация в 1844 г. солидного наброска теории не была бы так эффективна, как выход в свет книги «Происхождение видов ...» именно в 1859 г. Семя, чтобы прорасти, должно попасть в подготовленную почву. 1855–1860 гг. были наилучшими, по мнению Хаксли, для публикации труда Дарвина. Однако неторопливый ход событий был неожиданно прерван.

Альфред Уоллес – неожиданный соперник

Летом 1858 г. события приняли для Дарвина драматический оборот. В обширный круг его респондентов входил в то время молодой путешественник и натуралист А. Уоллес (1823–1913). «Путешествие на Бигле» произвело на него неизгладимое впечатление и он решил последовать примеру Дарвина. Пятилетнее плавание Дарвина на «Бигле» вместе со слугой оплатил его отец, кроме того, ему помогали именитые кембриджские учителя. А. Уоллес был из бедной семьи и «университетов не кончал». Он был гениальный самоучка, движимый страстью к естествоиспытанию во всех его проявлениях и к загадкам эволюции живого мира. Уоллес отправился путешествовать, добыв скромный кредит, практически «за свой счет», оплачивая кредит сбором образцов для музеев, биологов и коллекционеров.

В опасное 4-летнее путешествие в дебри Амазонки Уоллес отправился в 1848 г. вместе со своим другом Г. Бэйтсом, тоже страстным коллекционером жуков и бабочек. Бэйтс стал затем известен в теории эволюции как автор селективной концепции мимикрии. Младший брат Уоллеса тоже сопровождал его, однако вскоре трагически умер от желтой лихорадки. Трудно представить отчаяние Уоллеса, когда корабль, на котором он вез свои 4-летние сборы в Англию загорелся посреди океана и затонул. Уоллес чудом спасся, но все коллекции насекомых, птиц и рептилий, все дневники пропали. Однако несмотря на трагедию, Уоллес за 1,5 года после возвращения в Англию из Бразилии публикует 6 академических статей и две книги, посвященные путешествию по Амазонке. Молодой биолог приобретает имя в научной среде и подготавливает новую 8-летнюю экспедицию на острова Малайского архипелага (1854–1862). Эта экспедиция была выдающейся по своим научным результатам, числу собранных образцов и новых открытых им видов. Уоллес собрал около 125 000 образцов разных видов, в том числе около 80 тыс. видов жуков. Он открыл и описал около 1 тыс. новых видов жуков, бабочек и других организмов, в их числе летающую лягушку; впервые описал в тропических лесах о-ва Борнео орангутана. Все это, несомненно, замечательные достижения выдающегося на-

туралиста. Книга Уоллеса «Малайский архипелаг» (1869) снискала такую же известность, как книга Дарвина о путешествии на «Бигле».

В 1855 г. Уоллес, будучи застигнутым на севере о-ва Борнео, в Сараваке, сезоном дождей и испытывая приступ малярии, пишет короткую заметку под названием «О законе, который регулирует интродукцию новых видов». В этой заметке, опубликованной в сентябре 1855 г. в английском журнале естественной истории, сделан важный вывод о том, что появление каждого нового вида в природе соответствует во времени и пространстве тем близкородственным видам, которые существовали до него. Это положение, условно названное в истории эволюционных теорий как «Саравакский закон», сразу привлекло внимание Лайеля, который увидел в нем сходство с потаенными построениями Дарвина. Лайель посещает Дарвина весной 1856 г. и советует ему поторопиться с публикацией своей концепции, ссылаясь на заметку Уоллеса. Однако заметка не показалась Дарвину важной. 3 мая 1856 г. он пишет Лайелю: «Мне ненавистна идея писать ради приоритета, хотя, конечно, мне будет неприятно, если кто-либо опубликует мою доктрину до меня». Но эта неприятность вскоре настигла Дарвина, причем в очень трудный период его жизни – тяжелая болезнь дочери и смерть маленького сына.

В феврале 1858 г. Уоллес оказался на маленьком о-ве Тернейт, к востоку от Целебеса и вновь испытал приступы малярии. Прикованный к постели ученый продолжает думать о происхождении видов и вспоминает о статье Мальгуса, прочитанной им 12 лет назад. Его озаряет идея об естественном отборе и выживании наиболее приспособленных как о столь долгожданном законе природы, который решает проблему возникновения новых видов. За два вечера Уоллес набрасывает статью и посылает ее с очередной почтой Ч. Дарвину. Рукопись, которую получил Дарвин в июне 1858 г., называлась «О тенденции разновидностей постоянно отклоняться от существующего типа».

Дарвин открывает пакет Уоллеса и затем в полном потрясении пишет своему ментору и другу Ч. Лайелю: «Ваши слова о том, что меня опередят, оказались справедливым возмездием. ... Никогда не видел я более поразительного совпадения: если бы Уоллес имел мой рукописный

очерк 1842 г., он не смог бы составить лучшего извлечения! Даже его термины выглядят словно названия глав моей книги. Таким образом, вся моя оригинальность, сколько бы ее не было, будет уничтожена». Возникла неприятная для Дарвина ситуация приоритета. Уоллес напрямую не просил Дарвина о направлении статьи в печать, а лишь о пересылке ее Лайелю. Отчаяние Дарвина было велико. Он готов был скорее сжечь свой труд, нежели получить упреки в заимствовании или в недостойном поведении («that I had behaved in a paltry spirit»). К тому же и в семейной жизни Дарвина в это время случилось горе: тяжело заболела дифтерией дочь Генриетта, внезапно заболел скарлатиной и вскоре умер маленький сын. Ввиду эпидемии, охватившей округу, всех детей пришлось срочно эвакуировать из поместья в Дауне.

Деликатное соглашение

Никакое изложение событий не передаст драматизма ситуации, как доверительные письма самого Дарвина 18–29 июня 1858 г., полные смятения, отчаяния и трогательных просьб о помощи, своим близким друзьям. [Переводы писем приведены в конце статьи – *ред.*]. Сам Дарвин в сложившейся ситуации был не в состоянии отыскать какой-либо достойный выход и во всем положился на своих друзей – Лайеля и Гукера. И они нашли деликатное и достойное решение, действовали решительно и быстро. В истории эволюционизма этот эпизод получил даже специальное название – *Delicate Arrangement* или Деликатное соглашение (Milner, 1990). Уже 1 июля 1858 г. «вне очереди» и в отсутствие обоих авторов Лайель и Гукер представили на заседании Линнеевского общества извлечения из очерка Дарвина 1842 г. вкуче с отрывками из его писем к американскому ботанику А. Грею, где излагались его идеи, а также статью Уоллеса. В тот же день Дарвин в Дауне хоронил своего полуторагодовалого сына...

Решение о совместной публикации было принято без извещения Уоллеса. Телеграфа и телефона тогда не было, а на согласительные письма Уоллесу в Малайзию и обратно ушло бы несколько месяцев. Статьи Дарвина и Уоллеса с вступительным замечанием Лайеля и Гукера были опубликованы в следующем же

томе Линнеевского общества 20 августа 1858 г. Однако они остались практически незамеченными вплоть до выхода книги Дарвина. После того, как его приоритет был защищен, Дарвин сконцентрировал усилия на написание «Происхождения видов...». Книга вышла спустя 13 месяцев, и Дарвин послал ее Уоллесу. С некоторым опасением ждал он реакции своего соперника. Но она оказалась джентльменской. Уоллес с радостью узнал о публикации своей заметки вместе с материалами столь почитаемого им Дарвина, да еще при содействии двух корифеев Лайеля и Гукера. Уоллес писал, что его статья сама по себе не выдержала бы напора критики. По возвращении в Англию в 1862 г. Уоллес вскоре посетил Дарвина. Благополучный финал этой приоритетной коллизии напоминает мне библейскую историю о встрече братьев-близнецов Иакова и Исава после конфликта с первородством. Иаков очень опасался гнева вспыльчивого Исава, но брат все ему простил. Выход книги Дарвина все собой затмил, и Уоллес сразу оказался в тени. Между тем, его первостепенное значение в истории эволюционной мысли специально подчеркивается историками науки накануне дарвиновского юбилея (Berry, Browne, 2008).

В августе 2008 г. в Англии вышла книга журналиста и научного обозревателя «Би-Би-Си» Р. Дэвиса (R. Davies) с громким скандальным названием «Заговор Дарвина: Происхождение научного преступления» (*The Darwin conspiracy: Origin of scientific crime*), в которой автор старается доказать, что пакет со статьей Уоллеса пришел раньше, чем в середине июня 1858 г., и что Дарвин скрытно скорректировал свою рукопись, используя заметку Уоллеса. Я полагаю, это ложная сенсация. Об этом говорит не только весь компендиум фактов, но и дальнейшее отношение двух ученых друг к другу.

В 1869 г. Уоллес публикует два тома натуралистических записок о Малайском архипелаге с титульным посвящением Ч. Дарвину – «не только как свидетельство личного уважения и дружбы, но также как выражение моего глубокого восхищения его гением и его трудами». Н.Н. Воронцов считает это посвящение примером истинно джентльменских отношений двух ученых, поставленных логикой развития науки в положение соперников (Воронцов, 1999).

С. Гулд, пожалуй, самый авторитетный знаток теории и истории эволюционного учения, приводит важный обмен репликами из переписки между двумя учеными (Gould, 1980). В 1864 г. Уоллес пишет Дарвину: «Что касается самой теории естественного отбора, то я всегда буду утверждать, что она в действительности Ваша и только Ваша. Вы разработали ее в деталях, о которых я не думал, и на много лет раньше, чем я имел какие-то проблески по этому поводу. Моя статья сама по себе никого бы не убедила и была отмечена лишь не более чем изобретательная спекуляция, тогда как Ваша книга революционизировала изучение Естественной Истории и пленила лучших людей нашего времени». В свою очередь, Дарвин пишет Уоллесу в 1870 г.: «Я надеюсь, что Вы с удовлетворением воспринимаете – и мало что в моей жизни доставляет мне такое же удовлетворение – что мы никогда не чувствовали ревности друг к другу, хотя в определенном смысле соперники».

Несогласие: границы отбора и эволюция человека

В 1889 г. Уоллес публикует полное изложение своих эволюционных взглядов под названием «Дарвинизм». С тех пор этот термин утвердился в эволюционной биологии. Стоит заметить, что включение имени автора в название научного направления несет за собой «первородный грех» смешения или амбивалентности смыслов. Ведь сам Дарвин находился в постоянном поиске, уточняя свои позиции и формулировки, корректируя, дополняя разные издания книги. Да и динамика знаний в любой области ведет к смысловой трансформации, переопределению понятий, нередко со смыслом, сильно отличным от оригинала. Под дарвинизмом стали понимать не только систему взглядов Дарвина, но и всю сферу эволюционной биологии, включая учение об эволюции жизни на Земле, видообразование, и адаптациогенез. Это вряд ли оправданно, как аргументировал в свое время зоолог-эволюционист и историк науки А.А. Любищев.

Вместе с тем в обыденном сознании произошло то, чего опасался Дарвин, – под его теорией стали понимать лишь вывод о происхождении человека от обезьяны или от общего с обезьяной предка. Отсюда идут подмена и

путаница второго порядка: критику взглядов Дарвина и его последователей на роль естественного отбора или антропогенез нередко отождествляют с отрицанием эволюции. Чтобы как-то уменьшить эту неизбывную путаницу, мне кажется интересным чуть остановиться на втором драматическом этапе в судьбе творческих отношений Дарвина и Уоллеса. А именно, на их резком расхождении по двум существенным вопросам теории эволюции:

1) какова область действия естественного отбора: является ли он необходимым и достаточным для объяснения всех загадок эволюции или же сфера его ограничена и надо постулировать действие других факторов;

2) эволюционное происхождение человека и роль отбора в этом процессе.

Реальная история науки далека от хрестоматийного глянца. Возникшие различия между Дарвином и Уоллесом по этим двум вопросам остаются в тени. Однако «водораздел» в этом смысле продолжает разделять и позиции современных биологов.

Прежде всего необходимо отметить выдающуюся роль Уоллеса как создателя биогеографии – науки о закономерностях распределения фауны и флоры на земле в пространстве и времени. Он обосновал выделение на Земле шести биогеографических областей. Кроме того, он открыл парадоксальную «линию Уоллеса» – резкую границу между фаунами Азии и Новой Гвинеи–Австралии. Граница проходит между островами малайского архипелага. При этом контраст между животным миром двух соседних островов, Бали и Ломбок, разделенных проливом шириной около 24 км, оказывается больше, нежели между фаунами Англии и Японии! Смысл этой причудливой линии оставался загадкой, хотя она и совпадала с наибольшими глубинами океана. Истолкование было получено лишь сто лет спустя в рамках мобильной тектоники А. Вегенера: «линия Уоллеса» в точности совпадает с периметром австралийской плиты, которая около 55 млн лет назад откололась от древнего суперматерика Гондваны и стала дрейфовать в сторону юго-восточной Азии. Палеогеологическая материальная «инкарнация линии Уоллеса» – один из самых замечательных триумфов натуралистических исследований и эволюционизма в целом. Я бы даже сравнил

это с тем, как эмпирические правила Менделя получили в XX в. материальное истолкование в двоичности хромосом в геноме, их независимом попарном расхождении при образовании половых клеток и в свойствах двойной спирали ДНК.

Теперь о других «линиях Уоллеса», по которым проходил его «водораздел» со взглядами Дарвина. Дарвин принимал ведущую роль естественного отбора в эволюции, но не считал его достаточным; например, он указывая на действие других факторов – законов роста, корреляции частей, принцип смены функций органов, влияние «упражнения и неупражнения». Дарвин выдвинул также дополнительную идею об особом половом отборе для объяснения повсеместно распространенного в природе полового диморфизма. Хвост самцов павлина приводил Дарвина в трепет, ибо невозможно представить, как это великолепное пиршество природы возникло в ходе постепенного отбора. Понадобилась гипотеза об особом половом отборе, где доминируют красота, эстетика, связанная с половым соперничеством и предпочтением.

Уоллес же полагал, что и в этих случаях действует обычный всемогущий естественный отбор. Но, будучи селекционистом или «дарвинистом» даже более, чем Дарвин, Уоллес решительно отрицал роль естественного отбора в происхождении «нравственной и умственной природы человека». Один из последних параграфов его книги «Дарвинизм» называется «Непосредственное доказательство того, что математические, музыкальные и художественные способности развились не под влиянием отбора». Тело человека, будучи сходным по облику с телом приматов, развилось под влиянием отбора, но не мозг с его потенциалом размышлять даже о собственной эволюции – полагал Уоллес.

Для истолкования эволюции человека Уоллес пришел к концепции, близкой панпсихизму. Уоллес допускал, что некая космическая духовная субстанция, или «невидимый универсум Духа», разлита в мире. На первом уровне наделение живого этой субстанцией произошло уже в момент порождения жизни. Человек обладает ее особым высшим уровнем. «У человека существует нечто, не доставшееся ему от его животных предков. Это духовная суш-

ность природы, возможность ее прогрессивного развития в процессе внутренней сознательной работы», – писал Уоллес. Представление Уоллеса вполне созвучно взглядам французского биолога, антрополога и теолога Т. де Шардена в его известной книге «Феномен человека». В определенной степени оно сходно с позицией мыслителей, которые полагают, что в основе мироздания лежит не хаос, а порядок, законы. (Известна метафора Эйнштейна, что Бог не может играть в кости). Очевидно и перекрывание со взглядами современных сторонников концепции интеллектуального дизайна. Согласно оценкам института Гэллага, 38 % опрошенных в США согласны с утверждением: «Человек возник в ходе эволюции в миллионы лет от менее прогрессивных форм жизни, но Творец руководил этим процессом, включая творение человека» (Milner, 1990).

Миропонимание Уоллеса можно рассматривать и как вариант панпсихизма, идущего от восточных религиозно-философских учений и от концепции монад Лейбница – неких психических элементов, присущих всему существу. Близко это и к декартовскому разделению телесного и психического миров. Уоллес твердо верил в паранормальные явления, экспериментировал с гипнозом и открыто защищал медиумов и проводимые ими сеансы. Кстати, один из подобных сеансов, сильно повлиявший на поступки героев, красочно описан Толстым в романе «Анна Каренина», что еще раз свидетельствует о широком распространении спиритуализма в те годы. Непоколебимым сторонником спиритуализма был и А. Конан Дойль, по объему его книги на эту тему превышают сочинения о Шерлоке Холмсе.

Подобный взгляд на эволюцию человека был не только чужд Дарвину, но он прямо писал своему молодому соавтору, что делать для человека исключение от действия естественных сил природы и отбора равносильно «подлинному убийству» его теории. В 1871–1872 гг. Дарвин выпустил две новые книги о выражении эмоций и половом отборе у человека, в которых показал эволюционное психологическое сходство человека и мира животных. Из этих книг следовало, что в сфере эмоций и психологии ничего нового, а лишь постепенное усиление свойств, уже имеющихся у животных,

включая, в конце концов, возникновение речи и разума. Уоллес с этим решительно не соглашался. Парадоксально, но одной из причин его несогласия была вера во всемогущество естественного отбора, который не может создавать органы и структуры, намного опережающие их непосредственное использование, как это очевидно для высших психических и интеллектуальных способностей человека. О степени разногласия говорят два отрывка из писем Дарвина Уоллесу, датированных 1869–1870 гг.: «Я надеюсь, что Вы не доведете до смерти Ваше и мое дитя». «Я огорчен различию между нами. Это просто ужасает меня и постоянно выводит из себя. Я чувствую, мы никогда не пойдем друг друга» (Gould, 1980).

Различие во взглядах Дарвина и Уоллеса привело к их косвенной конфронтации в 1876 г. в истории с профессиональным медиумом Г. Слэйдом, которого во время платного сеанса уличил в трюкачестве молодой последователь Дарвина биолог Р.Э. Ланкастер (Milner, 1990). Ланкастер подал в суд на медиума за обман. Оказывается, деньги на процесс выделил Дарвин, а активным защитником медиума и спиритуализма в целом на процессе выступил А. Уоллес. Он заявил, что медиум в «такой же степени искренен, как любой университетский исследователь в естественных науках». Судье пришлось туго, и, в конце концов, он принял решение осудить Слэйда по старому закону против хиромантов и предсказателей. Однако Слэйд никогда не был в тюрьме. По процессуальным причинам решение было отменено, и Слэйд уехал в Европу.

Казалось бы, постоянные случаи подделок, жульничества и обмана в атмосфере спиритических сеансов выбивали почву из-под ног их защитников. Но это никак не повлияло на мнение Уоллеса, что экстрасенсорные явления реальны. Да, говорил он, пусть даже 90 % случаев описаний подобных явлений, включая сеансы спиритизма, оказываются недостоверными или сопряжены с недостатком критического отношения или излишней верой. Ну и что же, возражал Уоллес, а разве подобные же огрехи не свойственны традиционной науке? Действительно, в пользу этого довода Уоллес свидетельствует излишняя вера в находки «недостающего звена» между человеком и высшими приматами, что неоднократно приводило к

заблуждениям, а то и громким фальшивкам. Это было в случае с пильгтаунским черепом в 1912 г. Кроме того, примерно каждые 10–15 лет антропологи обнаруживают новые находки в линиях предков человека, успешно применяются современные методы палеогенетики ДНК или сравнительной геномики, включая изучение генома неандертальцев. В результате существенно пересматриваются «древеса предков человека». Однако новые находки быстро рекламируются и создают впечатление: наконец-то прямой предок человека найден... Замечу, что гораздо более скромное явление – столь разрекламированное доказательство «эволюции в действии», как индустриальный меланизм у бабочек, оказалось уязвимо с точки зрения постановки опытов, сопряжено с явной необъективностью, вплоть до прямого конструирования желаемых фактов и полупальсификации (Иванов, 2004). Стоит помнить об осторожности, основательности и сомнениях самого Дарвина.

В 1893 г. Уоллес с убеждением писал о своей позиции защитника панпсихизма и экстрасенсорных явлений, включая гипноз, месмеризм, спиритуализм и т. д.: «Мой самый главный урок в исследовании этих темных областей знания состоит в том, чтобы никогда не придавать какой-либо вес недоверию знаменитых людей или их обвинениям в обмане или невежестве, когда их мнению противостоят повторные наблюдения других честных и правдивых людей. Вся история науки показывает, что когда образованные или интеллигентные люди в любой эпохе отрицали факты других исследователей априори, на основе их абсурдности или невозможности, то они всегда оказывались неправы» (подробнее см. на специальном сайте, посвященном Уоллесу wku.edu/~smitch).

История науки подтверждает вывод Уоллеса, как убедительно показал в своей статье А.А. Любичев (2000). Приведу в этой связи поразивший меня недавно пример из истории метеоритики. Когда в конце 18 в. Э. Хладни – экстравагантная личность, музыкант, пионер акустики и маг-демонстратор, открывший создаваемые колебаниями струны «фигуры Хладни», пытался доказать взвешенное происхождение метеоритов, это считали полным абсурдом: метеориты полагали последствиями взрывов вулканов либо ураганов, поднимающих камни высоко в небо.

Аспекты несогласия Дарвина–Уоллеса

Оппозиция Дарвин–Уоллес в отношении того, что представляет собой человек, каково эволюционное происхождение его психического мира и есть ли пропасть в этом смысле между человеком и животными, не исчезла. В разных воплощениях эта оппозиция возникает в каждом поколении и не ясно, можно ли будет достичь согласия и получить окончательный ответ. Позицию современной антропологии ясно выразил известный лингвист и культуролог академик В.В. Иванов: «Никакой общий предок до сих пор не найден... Гоминиды существовали рядом друг с другом, преимущественно в Африке, но, тем не менее, нет оснований думать, что они прямо происходят друг от друга или что мы прямо приходим от них» (Иванов, 2004. С. 64). Желание слишком пылких последователей Дарвина как можно быстрее найти промежуточные или недостающие звенья (*missing links*) привели не только к открытиям, но и к самогипнозу, конфузам и мистификациям, в принципе не отличающимся от сеанса медиумов.

В декабре 1912 г. газеты Англии вышли с сенсационными заголовками: недостающее звено в цепи обезьяна-человек найдено, и теория Дарвина доказана. При раскопках на юге Англии в районе городка Пилтдаун был найден череп, сочетающий в себе черты обезьяны и человека. Сразу возникли сомнения в его древности. Однако многие авторитетные английские антропологи подтвердили подлинность, или аутентичность, черепа. В числе главных авторитетов был и сэръ Р. Ланкастер – к тому времени многолетний директор Британского музея естественной истории и автор многих книг об эволюции, включая книгу «Вымершие животные» (1905 г.) с иллюстрациями их реконструкций. Именно эта книга инициировала Конан Дойля написать его столь известный «Затерянный мир» (1912), где упоминается и Ланкастер. Вплоть до 1950 г. пилтдаунский череп фигурировал как выдающееся открытие во всех учебниках по эволюции. Но оказалось, что это обман, подделка, авторство не установлено до сих пор.

Пилтдаунская мистификация остается одной из самых интригующих загадок в истории науки, утверждается в энциклопедии

эволюции (Milner, 1990). Выдвинуто около 10 версий. Одна из них называет возможным автором мистификации другого твердого защитника спиритуализма – Конан Дойля, который никогда не мог простить Р. Ланкастеру суда над медиумом. Оказывается, дом Конан Дойля был всего в 12 км от места раскопок. Будучи по профессии врачом, он отлично знал анатомию человека, а будучи творцом знаменитого Шерлока Холмса, мог выбрать самый искусный и правдоподобный сценарий обмана. Предполагаемые мотивы Конан Дойля – акт возмездия, желание продемонстрировать, как легко научные эксперты, считающие себя объективными жрецами, могут некритически воспринимать факты, которые соответствуют их вере и убеждениям.

И опять же вспоминается замечание Тимофеева-Ресовского, что Дарвин был гениальный, но очень умный и очень осторожный человек. Это действительно редкая комбинация свойств. Ибо гениальность встречается редко, а среди умных вполне обычна дихотомия на осторожных и неосторожных.

О необходимости осторожности в суждениях о ходе эволюции живых организмов напоминает творчество известного эволюциониста Э. Геккеля (Haeckel, 1834–1919), которого называют «немецким Дарвином». Геккель получил прекрасное образование в трех университетах Германии, имея наставниками крупнейших зоологов и сравнительных анатомов Германии. Затем в течение ряда лет он, как и Дарвин, совершает морские путешествия по Средиземноморью и Канарским островам, изучает видовое разнообразие морских беспозвоночных – радиолярий, известковых губок и медуз. Уже в 1862 г. Геккель выпускает обширный труд по радиоляриям – одноклеточным организмам морского и океанического планктона. Неутомимый путешественник, он провел свою последнюю экспедицию на Суматру и Яву в возрасте 67 лет! Геккель открыл около 4 тысяч новых видов морских беспозвоночных (Milner, 1990).

Трудно представить себе современную биологию без таких введенных Геккелем терминов, как *экология*, *онтогенез*, *филогенез*, *гетерохрония*. Именно Геккель стал представлять линии происхождения разных групп организмов в виде родословных ветвистых древ на основе принципа тройного параллелизма: сравнитель-

ная морфология, сравнительная эмбриология и палеонтология. Сам Дарвин, будучи осторожным исследователем, рассмотрел лишь принципиально возможные пути эволюционного происхождения видов. Он не строил никаких конкретных деревьев, ибо ясно видел палеонтологическую неполноту и отсутствие многих блоков в эволюционной мозаике. В отличие от Дарвина Геккель, по словам Н.Н. Воронцова, «не чурался философии, не боялся умозрительных гипотез, сам их создавал и активно проповедовал».

Соблазны воодушевления и неоправданной экстраполяции дарвиновского принципа естественного отбора, а также неумеренный парциальный дух в борьбе с религиозным мирозерцанием привели Геккеля к пропаганде социал-дарвинизма. Вульгаризация учения Дарвина в отношении к человеку вызвала ехидный протест Л. Толстого. Известна саркастическая ремарка Толстого: «И люди читают это, учат, называя наукой, и никому в голову не приходит сделать естественно представляющийся вопрос о том, что если убивать дурных полезно, то кто решит, кто вредный. Я, например, считаю, что хуже и вреднее г-на Геккеля я не знаю никого. Неужели мне и людям одних со мною убеждений приговорить г-на Геккеля к повешению? Напротив, чем грубее заблуждения г-на Геккеля, тем больше я желал бы ему образумиться и ни в коем случае не желал бы его лишить этой возможности» (цит. по: Воронцов, 1999).

Толстой, конечно, здесь прав, как бы предвидя в принципе возникновение будущего немецкого этноцизма. Он неточен лишь в утверждении, что никому в голову не пришло сделать естественное возражение взглядам социал-дарвинизма. На самом деле не кто иной как А. Уоллес, соавтор теории естественного отбора, ставил запрет отбору применительно к человеку. Он вполне предвидел, что отсутствие такого запрета способно привести к извращениям. К концу жизни Уоллес открыто объявил себя сторонником социализма и даже стал председателем Общества национализации земли. В своей последней книге «Социальная среда и моральный прогресс» (Social Environment and Moral Progress, 1913) он выступил резким критиком системы капитализма (не уступая в этом Толстому) и был в ярости, когда защитники

существующей социальной несправедливости ссылались в свое оправдание на закон естественного отбора: «мне просто поразительно слышать, будто я не знаю, что такое естественный отбор и к чему он ведет». Он протестовал против прямолинейных выводов ранних евгенистов о возможности и желательности селекции в человеческом обществе. Уоллес считал это «опасным и отвратительным», способным привести к разрушительным последствиям.

Несмотря на идейные различия и даже косвенное противостояние, где имплицитно в основе лежали различия их позиций на эволюционную природу человека, на невозможность достичь компромисса, Дарвин и Уоллес оставались джентльменами. Когда возник вопрос о пенсии Уоллесу и друг Дарвина Дж. Гукер решил отклонить ходатайство, ссылаясь на поддержку Уоллесом спиритуализма, то Дарвин и Т. Гексли выступили в поддержку, и пенсия Уоллесу была назначена.

Парадоксы на уровне ДНК, отбор и ультрадарвинизм

Различия во взглядах на роль отбора в эволюции, роль адаптивных и неадаптивных факторов, выявившиеся между сотворцами и соперниками Дарвином и Уоллесом, сохраняются и приводят к дискуссиям в каждом поколении биологов. Позиция исследователя в этом отношении вовсе не второстепенна. Ибо она определяет направление поисков и исследований, истолкование многих парадоксальных данных молекулярного разнообразия живых организмов, включая структуру хромосом, организацию ДНК и эволюцию геномов.

Приведу пример недавних и не затихнувших еще жарких споров о причинах так называемого С-парадокса или резких межвидовых различий в количестве ДНК (величина С-размер ДНК в числе нуклеотидных пар в одном наборе хромосом генома). Когда в начале 1960 гг. исследователи приступили к систематическому изучению ДНК у близких видов, то среди большинства молекулярных биологов царило неявное убеждение, что раз ДНК –местилище генов или «самая главная молекула», то все ее закрепившиеся в эволюции изменения не случайны, а напрямую связаны с отбором и

адаптацией. Тут-то обнаружился С-парадокс (Голубовский, 2000).

Оказалось, что близкие виды нередко отличаются по количеству ДНК в несколько раз, хотя число генов у них, несомненно, сходно. Далее обнаружилось явное несоответствие между величиной С и эволюционным положением видов. «Кто бы мог подумать, – с удивлением признавался в конце 1970 гг. Д. Уотсон, соавтор открытия двойной спирали ДНК, – что размер ДНК у некоторых рыб и земноводных в 25 и более раз больше, чем у человека». В составе ДНК практически всех видов были обнаружены разные блоки повторов, причем некоторые из них относительно короткие, повторены миллионы раз и заведомо не несут генов. Порой целое плечо хромосомы образовано из таких тысячекратных повторов. В большинстве случаев они не транскрибируются и не транслируются, как это свойственно генам, кодирующим структуру белков. Наконец, сами гены у высших организмов оказались мозаичными, построенными из кодирующих полипептиды блоков – экзонов, которые перемежаются серией ДНК-вставок или интронов. Интроны вырезаются из генной молекулы ДНК как ненужный баланс при ее считывании. О совершенной непредсказуемости этого открытия другой соавтор двойной спирали ДНК Ф. Крик писал: «Когда я приехал в Калифорнию в сентябре 1976 г., у меня даже мысли не возникало, что обычный ген может быть расщеплен на несколько кусков. Я сомневаюсь, чтобы кто-либо подозревал об этом».

С-парадокс бросил вызов жестким селекционным представлениям. В 1980 г. группа молекулярных генетиков и в их числе Ф. Крик сделали попытку истолковать С-парадокс не вне селективного постулата, а исходя из структурно-функциональных особенностей самой молекулы ДНК. Они предположили, что некоторые ее сегменты, прежде всего мобильные элементы, получают преимущество в репликации копий, число их в хромосоме возрастает, и они могут эгоистично расселяться по геному. Такой процесс не вызван отбором. На авторов гипотезы эгоистичной ДНК обрушился шквал обвинений со стороны большинства биологов, которые свято уверовали в положение об обязательной адаптивности любых элементов структуры и особенно организации главной молекулы ДНК.

Оппоненты приводили факты о той или иной функциональной роли некодирующих повторов и блоков. Однако сторонники концепции эгоистичной ДНК вовсе не отрицали возможной или реальной роли повторов ДНК и мобильных элементов в эволюции. Они были лишь против неявного предположения о том, что подобные элементы возникли и закрепились в геномах в результате естественного отбора и сохраняются отбором в связи с их настоящей или возможной функцией в клетке (Голубовский, 2000). Смысл споров помогает понять метафора Р. Киплинга в его сказках-притчах о причинах возникновения отличительных структур у разных животных. Это «just so stories» – удивительные истории. Можно называть эти метафоры как «принцип слоненка Киплинга». Слоненок был любопытным и желал узнать, что ест крокодил на обед. Крокодил в ответ схватил его за нос и стал тянуть. Образовался хобот, который поначалу сильно опечалил слоненка, но потом оказался полезной штукой, ибо позволял срывать листья с деревьев, обливаться водой, отгонять мух и раздавать тумачи задиристым братцам. Однако все эти полезные функции хобота никакого отношения к причине его возникновения не имеют! Организм сам нашел ему применение.

Идею о возможной эгоистичности некоторых генов и сегментов ДНК выдвинул зоолог и этолог, автор многих научно-популярных книг по эволюционной биологии Р. Доукинз в широко известной книжке «Эгоистичный ген» (Доукинз, 1993). Идея оказалась в определенной степени плодотворной. Но Доукинз, называя себя «страстным дарвинистом», расширил свое предположение за пределы его применимости. Он полагает, что живые организмы со всеми их морфологическими особенностями – лишь устройство для размножения генов: «живые организмы – это машины, они словно роботы запрограммированы, чтобы сохранять эгоистичные молекулы, известные как гены». Единица дарвиновского отбора, по Доукинзу, – только гены, которые конкурируют внутри организма за более успешную репликацию и передачу потомкам.

Однако тут возникает естественное возражение. Клетки и организмы – вовсе не пассивные вместилища реплицирующихся генов, которые составляют лишь элементы целостной коорди-

нированной системы. От функции всей системы зависят и самовоспроизведение генов, и их роль в ходе развития организма в его конечном фенотипе в определенных условиях среды. Напомним, датский биолог В. Иогансен ввел в 1909 г. понятие «ген» как удобную фикцию для более общего понятия «генотип», который обозначает наследственную конституцию всего организма. Просто поразительно, что еще в начале XX в. В. Иогансену, автору терминов «ген», «генотип» и «фенотип», был свойственен целостный системный подход: «Живой организм нужно понимать как целую систему не только во взрослом состоянии, но и в течение всего его развития ... Было бы неправильным представлять бесконечную расчленяемость фенотипа живого организма на отдельные элементы, отдельные явления».

Подобным расчленением и грешит подход Дукинза, который он проповедует со страстью и полнейшей убежденностью в своей правоте. Любой признак организма, скажем, пятипалость, зависит от координированного действия множества генов, их иерархически соподчиненных сетей, взаимодействующих между собой в развитии. В целостной наследственной системе действие одних генов может погашаться полностью либо усиливаться, могут создаваться новые типы непредсказуемого взаимодействия. Вслед Иогансену можно только повторить, что организм не может быть жестко анатомизирован, расчленен на отдельные признаки с соотношением каждого из них определенному гену, даже если известно, что повреждение данного гена имеет существенное влияние на данный признак. Ген, это в конце концов лишь сегмент ДНК, спрятанный внутри клетки, – замечает С. Гулд, возражая Дукинзу (Gould, 1980).

Уже на уровне клетки обнаружены удивительные системы самоподдержания и репарации ДНК, механизмы «естественной генетической инженерии», контрольные пропускные точки (check points) в делении клетки, когда определенный этап в этом процессе прерывается в случае обнаружения повреждений. Наследственная система способна нейтрализовать или делать функционально полезными (как хобот у слоненка) случайно возникающие мутационные изменения генов и хромосом. Клетка может целенаправленно реконструи-

ровать геном в зависимости от ее физиологии, одомашнивать «взбесившиеся» эгоистичные сегменты, подавляя их репликацию и транскрипцию. Наконец, клетка может впускать в свой геном посторонние блоки ДНК, вплоть до образования симбиотических ассоциаций. Известны два афоризма выдающегося цитолога В.Я. Александрова, отдавшего изучению клетки 60 лет: «Впечатление, что клетки по мере их изучения сами себя усложняют, чтобы остаться непознанными» (Воронцов, 1999) и «Без решения проблемы свободы воли не понять и суть жизни клетки». Как это далеко от представлений биологов конца XIX в. о клетке как о «комочке протоплазмы!» (Галл, 2007).

Дукинз неправоммерно расширяет здравую мысль об эгоистичности ряда ДНК сегментов за пределами ее применимости. Феномен неоправданной экстраполяции довольно част в истории науки, он сродни синдрому Пигмалиона. Прямотаки фанатичная вера Дукинза в адаптивность любых признаков организма принимает курьезные формы. Так, в главе о половом отборе его книги «Эгоистичная ДНК» он задается вопросом, почему человек утратил приапову кость или бакулум, «ведь у многих млекопитающих в пенисе и в самом деле имеется бакулум – кость, придающая ему жесткость и помогающая поддерживать эрекцию... есть она даже у ближайших родичей человека шимпанзе, хотя она у них очень мала». Селективная гипотеза Дукинза, которую любопытно сопоставить со спором Дарвина и Уоллеса о половом отборе, такова. Самки сородичей и предков человека, под действием естественного отбора совершенствуя свои диагностические способности, «отбирают по крупницам всевозможные данные о состоянии здоровья самца и судят о его способности справляться со стрессовыми ситуациями по напряженности и положению пениса. Однако наличие кости помешало бы этому! Не нужно быть особенно стойким, выносливым, чтобы иметь кость в пенисе: это доступно всякому. Таким образом, селективное давление со стороны женщин привело к утрате мужчинами бакулума, потому что только по-настоящему здоровые мужчины способны на действительно стойкую эрекцию, позволяющую женщинам поставить без помех правильный диагноз» (Дукинз, 1993).

Орехи подобного рода чисто селективного толкования состоят в том, что гипотезы изобретаются постфактум и по всякому случаю новые, исходя из убежденной веры во всемогущество естественного отбора и адаптивности любых различий между видами и между полами. Ведь если бы у мужчин сохранился бакулум (пусть и не в таких величественных размерах, как у моржа – около полуметра и более), то Доукинз столь же остроумно на основе селектогенеза придумал бы, почему сие так и должно быть. Скажем, в стрессовых условиях пещерной жизни, в которых жили десятки тысяч лет предки человека, акт репродукции должен быть надежным и не зависим от одной силы мышц и усиленного кровотока, обеспечивающих эрекцию. Поэтому, мол, у человека и сохранился бакулум. Какова цена подобного рода объяснительных селективных гипотез, о которых вполне серьезно пишет Доукинз? «Три копейки в базарный день», – вспоминается громогласный приговор Н.В. Тимофеева-Ресовский в его лекциях. Почему же Доукинз, а вслед за ним другие «страстные дарвинисты» продолжают выдвигать подобные постфактумные селективные истолкования. Видимо, следует согласиться с Гулдом о «склонности

западной научной мысли к атомизму, редукционизму и детерминизму» (Gould, 1980).

Литература

- Воронцов Н.Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М.: УНЦ ДО, 1999.
- Галл Я.М. Формирование эволюционной теории Дарвина. СПб, 2007.
- Голубовский М.Д. Век генетики: эволюция идей и понятий. СПб, 2000.
- Доукинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993.
- Иванов В.В. Наука о человеке. Введение в современную антропологию. М., 2004.
- Любищев А.А. Уроки истории науки // Любищев А.А. Наука и религия. СПб: Алетейя, 2000.
- Berry A., Browne J. The other beetle-hunter // Nature. 2008. V. 453. № 26. P. 1188–1190.
- Gould St.J. The Panda's Thumb. N.Y.; London: Norton and Co., 1980.
- Hooper J. On men and moths. The untold story of science and the Peppered moth. N.Y.: W.W. Norton, 2002.
- Huxley J. The emergence of Darwinism // J. Huxley. Evolutionary Humanism. Prometheus Books, 1992. P. 9–34.
- Milner R. The Encyclopedia of Evolution. Humanity's Search for its Origin. N.Y.: Henry Holt and Co., 1990.
- Secord J.A. Victorian Sensation. University Chicago Press, 2003.

Приложение

Письма Ч. Дарвина Ч. Лайелю¹ и Дж. Гукеру² после получения статьи Уоллеса (перевод М.Д. Голубовского).

Лайелю, 18 июня 1858 г.

Мой дорогой Лайель,

Несколько лет назад Вы рекомендовали прочесть статью Уоллеса в Анналах. Поскольку я с ним переписывался, и, зная, что он будет польщен, я написал ему об этом. Сегодня он прислал мне прилагаемый манускрипт и просил передать Вам. Мне кажется, что статья несомненно заслуживает чтения. Ваши слова, что меня опередят, оказались справедливым возмездием. Вы сказали мне это, когда я изложил кратко мои взгляды о «Естественном отборе», основанном на борьбе за существование.

Если бы Уоллес читал мою рукопись 1842 г., он не смог бы сделать лучшего извлечения. Даже его термины выглядят словно заголовки глав моей книги. Верните мне, пожалуйста, этот манускрипт, о котором он не говорит, чтобы я представил его к публикации. Но я, конечно, напишу и

¹ Лайель Чарлз (1797–1874) – английский ученый, основоположник геологии, автор труда «Основы геологии» (1830–1833), ментор и друг Дарвина.

² Гукер Джозеф (1817–1911) – английский ботаник и путешественник, директор Ботанического сада Кью под Лондоном, самый близкий друг Дарвина.

предложу для публикации в каком-либо журнале. Таким образом, вся моя оригинальность, какова бы она ни была, будет уничтожена. Хотя моя Книга, если она будет иметь какую-либо ценность, не пострадает. Ибо весь труд состоит из приложений к теории.

Я надеюсь, Вы одобрите статью Уоллеса, чтобы я мог написать ему об этом.

Искренне Ваш Ч. Дарвин

Дж. Гукеру, 23 июня 1858 г.

Мой дорогой Гукер,

Бедняжка Этти³ сильно больна дифтеритом (или чем-то сходным), но сегодня утром ей лучше, я почти уверен. Эта болезнь доставляет страдания, ибо сильно воспалена вся глотка. Она будет поправляться и требует постоянного внимания. Мы оба в полном расстройстве и не имеем сейчас сил кого-либо видеть, даже Вас. Кажется, судьба распорядилась помешать нашей встрече. Я чувствую, Вы будете расстроены этим отказом.

Хорошо, что Вы не приехали в прошлую субботу, ибо именно в то утро начался приступ, и наши друзья вынуждены были уехать. Некоторые почувствовали заражение, и это еще одна причина, почему Вам лучше не приезжать. Слава Богу, я чувствую себя значительно лучше, вся опасность миновала, но доктор еще не был, он мучил нас долго вчера.

Мой дорогой друг

С самыми теплыми чувствами Ч. Дарвин

Лайелю, 25 июня 1858 г.

Мой дорогой Лайель,

Я очень сожалею, зная о Вашей занятости, что беспокою Вас своим чисто личным делом. Но если Вы поделитесь своим просвещенным мнением, то окажете мне самую большую услугу, на которую способен человек, ибо я всецело доверяю Вашему чувству справедливости и достоинства.

Мне не следовало посылать письмо без достаточного размышления, ибо я сейчас полностью выведен из себя, но я пишу, чтобы выкинуть все из головы. Я признаю, что никогда не допускал, что Уоллес мог кое-что узнать из Вашего письма к нему.

В заметке Уоллеса нет ничего более того, что гораздо полнее изложено в копии моего очерка 1844 года, который Гукер читал около 12 лет назад. Примерно год назад я послал Аза Грею⁴ короткое извлечение из моих мыслей (предназначенное некоторым адресатам). Так что я могу с полной правдой утверждать и доказать, что я ничего не заимствовал от Уоллеса. Я был бы чрезвычайно рад, если бы именно сейчас были опубликованы основные мои выводы в заметке страниц на двенадцать. Однако я не могу убедить себя, что это было бы достойно. Уоллес ничего не пишет о публикации, и я посылаю Вам его письмо.

Однако, поскольку ранее у меня не было намерения опубликовать этот набросок, могу ли я сейчас сделать это достойно, поскольку Уоллес уже прислал мне изложение своих идей. Я скорее сожгу свою книгу, нежели он или кто-то другой будет думать, что я поступил нечестно. Думаете ли Вы, что прислав мне свою статью, Уоллес как бы связал мне руки? По крайней мере, я не думаю, что он пришел к своим идеям из моих писем к нему.

Мы различаемся только тем, что я пришел к своим взглядам на основании работ по искусственному отбору у животных. Я мог бы послать Уоллесу копию моего письма Аза Грею, чтобы показать, что я не украл его доктрину... Однако мне неясно, не будет ли это основанием в нечестности, таково мое первое впечатление.

Не стоило бы беспокоить Вас по такому мелочному поводу, но Вы не представляете, насколько я был бы признателен получить Ваш совет. Не будете ли Вы возражать, послав заранее это

³ Этти – дочь Дарвина Генриетта (1843–1929), 4-й ребенок в его семье.

⁴ Грей Аза (1810–1888) – американский ботаник и теолог, автор книги «Флора Северной Америки», профессор ботаники ун-та в Гарварде, пропагандист учения Дарвина в Америке; однако считал, что эволюция и теология не противоречат друг другу.

письмо и Ваш ответ Гукеру. Ибо после этого я буду знать мнение двух моих самых лучших и добрых друзей...

Я опасаясь, что у нашего малыша скарлатина. Этти слаба, но поправляется.

Мой дорогой любезный друг, простите меня. Это письмо написано наскоро и под влиянием мелочных чувств.

Всецело преданный Вам Ч. Дарвин.

Я никогда более не буду беспокоить Вас или Гукера по этому поводу

Чарлзу Лайелю 26 июня 1858 г.

Мой дорогой Лайель,

Простите меня за это P.S., но я хочу высказать наиболее сильный довод против меня самого. Уоллес может сказать: «Вы же не собирались публиковать резюме ваших взглядов до получения моего письма. Справедливо ли извлекать преимущество из свободного знакомства с моими идеями и, не спросив меня, тем самым препятствовать моему первенству». Трудно сознавать, что таким образом я вынужден потерять мой приоритет и результаты моих многолетних размышлений. Но я вовсе не уверен, что это оправдывает несправедливый поступок. Первые впечатления обычно всегда правильны. И я с самого начала чувствую, что моя публикация именно сейчас была бы недостойна...

Всецело преданный Вам Ч. Дарвин.

Дж. Гукеру, 29 июня 1858 г.

Мой самый дорогой Гукер,

Вы и миссис Гукер будете очень опечалены узнав, что наш малыш умер вчера вечером. Я полагаюсь на Бога, что малыш не страдал слишком сильно. Внезапно ему стало плохо. Это оказалась скарлатина. Наибольшим смягчением было видеть мягкое выражение его бедного невинного личика, когда смерть пришла во сне.

Слава Господи, что он более не будет страдать в этом мире.

Я получил Ваши письма. Сейчас я совсем не в состоянии думать по этому поводу, напишу вскоре. Но я вижу, что Вы и Лайель действовали с величайшей добротой, хотя я и знал о Вашей благорасположенности.

Я легко отыщу копию моего письма к Аза Грею, но оно довольно коротко.

Бедная Эмма⁵ все это время держалась стойко, и я не могу представить, как она все это вынесла. Когда она смогла дать волю своим чувствам, наступило благословенное освобождение.

Да хранит Вас Бог.

Я Вам напишу, как только буду в состоянии.

Любящий Вас Ч. Дарвин.

Дж. Гукеру, 29 июня 1858.

Я в полном изнеможении и ничего не могу делать. Я только посылаю манускрипт Уоллеса и резюме моего письма к Аза Грею, где говорится лишь о путях, но не обсуждаются причины изменчивости видов. Я полагаю, что все уже поздно.

Я не в состоянии заниматься этим. Но Вы необычайно щедры и добры, уделяя мне столько времени и заботы. Это высочайшая доброта и величайшая щедрость. Я посылаю Вам мою рукопись 1844 года, чтобы Вы видели по своим поправкам, что Вы действительно читали ее в то время.

У меня нет сил смотреть на нее. Не тратьте более время. Вся эта моя забота о приоритете выглядит ничтожной. Содержание моего очерка говорит само за себя. Я напишу сходную, но краткую заметку для Линнеевского журнала. Сделаю, что смогу.

Благослови Вас Бог, мой дорогой добрый друг.

Я более не могу писать и посылаю это письмо со слугой в Кью.

⁵ Эмма – жена Дарвина, его двоюродная сестра Эмма Веджвуд.

DARWIN AND WALLACE: COAUTHORSHIP AND DISAGREEMENT

M.D. Golubovsky

Berkeley University, California 94720, USA, e-mail: mdgolub@gmail.com

Summary

The paper analyses the dramatic situation, in which Darwin and Wallace appeared both co-authors and rivals in the period of discovery of conception of speciation by natural selection. In spite of simultaneous publication of their papers Wallace always had underlined Darwin's priority. However two biologists disagree in two important aspects: aspects: 1) the limits of natural selection action as an evolutionary factor, is it enough for an explanation of all evolutionary phenomena (as thought Wallace) or there are other evolutionary forces as always recognized Darwin; 2) The role of natural selection in human origin. Wallace decidedly denied the role of natural selection in the origin of higher intellectual and psychological human abilities like mathematical, musical, artistic et al. He had supposed independence of psychic evolution and supported spiritualism. Natural selection can not create organs and structures which so anticipate their immediate usage as human intellect. On this background Wallace criticized diverse applications of natural selection concept for a social life (social Darwinism).